

Шахтёрская фляжка — «Глоток жизни в подземной тьме»

Я — шахтёрская фляжка. Возможно, в витрине нашего музея я выгляжу скромно: простой алюминиевый корпус без краски, овальная форма, плотно закрученная пробка на цепочке, а на боку — выбитый номер. Я не блещу красотой парадной посуды, но в жарком и пыльном забое я была для горняка подлинным «глотком жизни». Моя история — это рассказ о простой воде, которая в подземных условиях ценилась дороже золота.

Моё происхождение: армейская сестра

Своим появлением я обязана армии. Само моё имя происходит от немецкого слова «flasche» — бутылка. По сути, я и есть армейская фляжка, только с одним важным отличием: меня никогда не красили в защитный цвет хаки, оставляя голый алюминий, и не ставили на донце военного клейма. Родившись для солдатских походов, я быстро нашла себе вторую службу — под землёй, где условия были не менее суровы. В шахтах Советского Союза я стала обязательной частью экипировки: меня выдавали каждому горняку вместе с каской и коногонкой, и без меня не спускался в забой никто.

Как я служила горняку

Мой объём невелик — всего 750 миллилитров, чуть меньше трёх стаканов воды. Но этого, как ни удивительно, обычно хватало на всю шестичасовую смену. Шахтёр брал меня с собой, заткнув за пояс или опустив в карман шахтёрской куртки-робы. В горячем забое, где температура поднималась до 40 градусов, а воздух был пропитан угольной пылью и пороховыми газами, вода из фляжки была настоящим спасением. Пот лил градом, и без глотка влаги работа становилась невыносимой. Но шахтёры — народ особый. Если кто-то из товарищей забывал свою фляжку наверху или выпивал воду слишком быстро, большой беды не случалось: мою пробку откручивали и пускали фляжку «по кругу», отдавая товарищу самый ценный в этот момент глоток.

Секрет моего долголетия

Моя служба была полна превратностей. Тяжёлый алюминиевый корпус часто мялся под давлением породы или просто от удара о стенку штрека. Но горняки придумали простой и гениальный способ вернуть меня к жизни: деформированную фляжку плотно надевали горлышком на водопроводный кран, прижимали покрепче и откручивали вентиль на полную. Давление воды расправляло помятые бока, возвращая мне утраченный объём. Иногда раздували даже до литра — правда, такая «пузатая» фляжка уже с трудом влезала в карман спецовки. А ещё у каждой из нас был свой особый знак — табельный номер, выбитый на боку. После окончания смены горняк сдавал меня в ламповой, где нас мыли, обрабатывали и расставляли по ячейкам строго по номерам. На следующую смену шахтёр получал именно свою фляжку, с которой делил уже не одну рабочую вахту.

Моя роль в судьбе горняка

Я помню вкус простой воды в раскалённом от духоты забое, помню, как дрожали от усталости руки, подносявшие меня к пересохшим губам. Я была свидетелем короткого отдыха, когда горняк, усевшись прямо на угольный пласт, откручивал мою пробку и делал несколько жадных глотков. Я помню и тех, кто в трудную минуту делил последнюю воду с товарищем. В этом простом алюминиевом корпусе билось настоящее шахтёрское братство — суровое, молчаливое, но незыблемое.

Сегодня я нахожусь в музее школы № 16 города Новошахтинска — и это моё законное, выстраданное место. Наш город вырос на угле, и практически каждая семья здесь связана с нелёгким шахтёрским трудом. Глядя на меня, знайте: очень похожая фляжка висела на поясе у отца, деда или прадеда кого-то из учеников, которые сегодня приходят посмотреть на меня. Я помню гул проходческих комбайнов и звон капли в подземных выработках, помню запах угля и пота — запах честной работы. Хотя я больше не наполняюсь ледяной водой из ламповой, я продолжаю служить — теперь уже как хранительница памяти. Я рассказываю вам, молодым, о простых, но великих вещах: о силе товарищества, о цене глотка воды и о том, что значит быть шахтёром. Пока я здесь, в стенах нашей школы, жива память о настоящем труде и крепком шахтёрском братстве.